

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О.А. Зайцева

Кафедра социологии и психологии управления
Государственный университет управления
Рязанский проспект, 99, Москва, Россия, 109542

Поле управленческой деятельности в современных организациях претерпевает сегодня существенные трансформации. Роботизированное производство становится все более распространенным. В этой ситуации возрастает важность изучения деятельности руководителей в организации всех уровней, в частности, руководителей среднего звена, так как именно они выступают ядром организации, имея наиболее глубокий опыт, знания о компании, занимаясь организацией и осуществлением ежедневной операционной деятельности. Фактор управленческой свободы в деятельности руководителей среднего звена выступает новым ответом на требования инновационной активности и конкурентоспособности современной организации. Одновременно с этим процессы глобализации приводят к установлению партнерских отношений между российскими и европейскими компаниями, однако их эффективность во многом зависит от понимания социокультурной основы управления. В статье рассматриваются социокультурные предпосылки формирования управленческой свободы в России и Европе. Проводятся различия между российской и европейской историей в вопросах предпринимательской деятельности, основах ее возникновения, сословий-участников и функциональных особенностей деятельности руководителей в организациях того времени. Описывается специфика социальных институтов, являвшихся базой для развития делового мира, а также оказывавших влияние на содержание управленческой свободы.

Ключевые слова: управленческая свобода; социальные институты; институт собственности; история предпринимательства; социокультурные особенности управления; организация; история управления; формы труда.

Проблема управленческой свободы приобретает особое значение в современном обществе. Индивидуальный, личностный фактор в организациях сегодня выходит на первый план. Массовое производство уступает место роботизированному, в связи с чем возрастает роль руководства на всех уровнях управленческой иерархии. Возникает необходимость рассмотрения «субъект-субъектных» отношений в организации, и особую актуальность приобретает феномен управленческой свободы.

Под управленческой свободой мы понимаем возможность самостоятельно принимать управленческие решения, использовать необходимые для этого ресурсы и поступать в соответствии с личными представлениями о конкретной организационной деятельности в рамках организационной культуры.

Процессы глобализации накладывают отпечаток на мировое бизнес-сообщество. Интеграция организаций России и Европы предполагает достижения консенсуса. Насущным вопросом становится принципиально различное понимание и поведение представителей разных стран в построении бизнеса и управления им. Влияние на сложившуюся ситуацию оказывают не только экономические и политические факторы жизни страны, но еще и предпосылки формирования того или иного бизнес-пространства. Специфическим особенностям формирования российской и европейской действительности хотелось бы уделить особое внимание, потому что без понимания социокультурных предпосылок невозможно в полной мере понять, почему европейские модели не всегда применимы для российских компаний, и почему управленческая свобода не является доминирующим фактором в деятельности руководителей среднего звена в России в отличие от европейских стран, где наблюдаются такие тенденции.

В целом, можно выделить следующие предпосылки формирования управленческой свободы в России и Европе: 1) различие сословий, исторически участвовавших в построении бизнеса; 2) различие содержания и целей предпринимательской деятельности; 3) пути формирования института собственности; 4) отличие используемых форм труда; 5) разница в значении города как социокультурного объекта; 6) разные парадигмы института религии; 7) отличия делового пространства, в частности, в сфере финансов и права. Остановимся подробнее на каждой из выделенных предпосылок.

Первой важной предпосылкой является различие сословий, выходцами из которых были предприниматели в Европе и России: так, если в Европе предпринимательскую деятельность часто вели дворяне, то в России эта роль была характерна для крестьян и посадских людей, в то время как дворяне в большинстве своем сторонились предпринимательской деятельности (более подробное исследование этого вопроса представлено в работах Т.Ю. Сидориной, Т.Л. Полянникова, В.П. Филатова).

Для привлечения к предпринимательской деятельности высших сословий на государственном уровне в России начинают создаваться особые условия. Так, например, в указе 1754 г. дворянству дается фактически монопольное право на поставку спиртных напитков на питейные дворы. Дело приносило большую прибыль, в связи с чем высшее сословие постепенно начинало включаться в процессы предпринимательской деятельности.

Одновременно с этим начинается сложный процесс формирования будущего класса буржуазии. В середине XVIII в. появляются крестьяне, чье благосостояние увеличивается за счет торговых операций. Они начинают вкладывать деньги в промышленное производство, и впоследствии у них появляется возможность выкупиться на волю. Крестьяне подобного рода получают прозвище «капиталистских», многие из них, освободившись, становятся купцами.

Отметим, что дворянству было запрещено записываться в купечество. И здесь, на наш взгляд, особую роль играет «Табель о рангах», распределивший сословия и породивший ущемленные чувства у представителей делового мира. Формирование нового сословия из выходцев крестьянской среды сопровождалось борьбой за социальный статус. Здесь, как отмечает О.В. Золотарев [2. С. 54], главным являлась необходимость освобождения от общепосадского тяга и возможность приобретения нового статуса, так как купцы были приравнены к крестьянству. Только с 1800 г. купцам I гильдии, особо отличившимся в торговых делах, дается право на изменение социального статуса: они имеют возможность получить звание коммерц-советника или мануфактур-советника (VIII чин «Табеля о рангах», коллежский ассессор или майор) и право носить мундир. С 1804 г. купцы также могут получить дворянский титул, если их фирма существует 100 и более лет.

Интересной особенностью российского сословного деления является тот факт, что с повышением звания приходит освобождение от телесных наказаний, то есть изменение статуса повышает уважение к личности и дает своего рода неприкосновенность.

В целом, завершение формирования предпринимательского класса приходится на конец XIX в. Русская буржуазия, сначала пополнявшаяся преимущественно за счет «капиталистских» крестьян, постепенно начинает включать в себя и другие сословия, в том числе дворянство: «слияние различных социально-сословных элементов в единую структуру явно запаздывало по сравнению с западным миром и проходило при явном обострении политической ситуации в Российской империи» [2. С.196]. Аналогичный процесс в Англии, например, приходится на XVI—XVII вв.

В Западной Европе существенно раньше начинают появляться выходцы из простых людей, которые за счет накопления и концентрации капиталов повышают свой социальный статус и зачастую оказывают влияние на политическую ситуацию в стране. Примерами таких исторических фигур могут служить Жак Кёр (1400—1456), сын торговца мехами, ставший выдающимся французским промышленником и советником короля Карла VII, или Ганс Фуггер — ткач из деревни Грабен, и его сыновья (XIV в.), которые, став поставщиками тканей для королевского двора, развивали свою деятельность и занимались денежными операциями, горным делом, вели торговлю через крупнейший деловой центр того времени — Венецию. Для России появление таких выдающихся предпринимателей приходится, в основном, на послепетровское время. Однако их деятельность в России связана не только с развитием капиталов, но и с необходимостью преодоления социальных барьеров. Управленческая свобода сталкивалась с невозможностью реализации на определенном уровне социальной иерархии.

Вторая предпосылка заключается в различии содержания и целей предпринимательской деятельности. В отличие от Западной Европы в России толчком к развитию промышленности послужили нужды государства. Петр I, поставив большие цели по развитию армии и флота, в попытке создать сильную и мощную державу, понимает, что невозможно обеспечить ее потребности внутренним производством. Государство направляет реформы в русло, способствующее развитию

предпринимательской деятельности. В частности, со стороны государства предприятиям предоставляются оборудование и работники. Таким путем поднимаются новые промышленные центры: Урал как центр металлургической промышленности, Сибирь, Якутия, иркутская провинция. Развивается легкая промышленность — появляются парусно-полотняная мануфактура на Язуе и Московский суконный двор. При поддержке императора развиваются заводы Никиты Демидова, которые затем обеспечивают существенную часть потребностей государства в железе, чугуне, котлах, трубах, якорях и т.п. Таким образом, развитие промышленности происходит с подачи и при поддержке государства, однако преследует общегосударственные, чаще военные цели.

Примером, ярко иллюстрирующим различия в целях самой предпринимательской деятельности, можно считать институт русской артели. Базовым основанием русской артели являлась самоорганизация представителей низших сословий, «при этом, артельный союз, чтобы иметь право так называться, должен был обладать внутренним суверенитетом» [1. С. 107—108]. Уже в этом институте начинает формироваться особое понимание денег и капитала — целью организации не является получение прибыли: «в русской артели демонстрировалось отношение к деньгам и капиталу как функциональному фактору развития дела...» [1. С. 110].

Русская артель становится моделью особой системы ценностей, где капитал не является признаком успеха и богатства, на первый план выходят ценности передачи опыта, знаний, традиций восприятия действительности и самого ремесла. Система ценностей представляет собой основу философии, которая мыслится как «альтернативная капиталистической, особый некапиталистический вид предпринимательства» [1. С. 110]. Для Европы предпринимательство всегда в первую очередь виделось как способ получения прибыли, наращивания капиталов. Безусловно, вопросы прибыли были значимыми для купцов, владельцев предприятий и в России, однако, для русского общества характерно наличие духовной составляющей, общинного сознания, где деньги воспринимаются чем-то не существенным, иногда даже постыдным, а важным является самосовершенствование.

Таким образом, управленческая свобода была обусловлена интересами государства и власти. Кроме того, в сравнении с Европой существовала значимая духовная составляющая управленческой деятельности.

Третьей предпосылкой является специфика института собственности в России. На наш взгляд, это одна из доминирующих, определяющих черт современного российского бизнеса, организаций и даже мировоззрения в целом. Остановимся на этом пункте подробнее.

Институт собственности в Европе был результатом постепенного эволюционного развития римского права. Историческая традиция формировалась таким образом, что собственность была особой составляющей жизни общества и государства, государство всячески поддерживало существование этого института. Под влиянием такого отношения постепенно появлялся особый тип личности, а именно «хозяйствующая личность», которой присущи такие качества как «индивидуализм и экономический рационализм» [5. С. 47]. Ощущение устойчивости и стабильности, своего рода неотчуждаемости собственности порождало отношение

к предпринимательской деятельности как способу проявить свои способности, таланты, управленческие навыки.

В то же время в России институт собственности оказался связан с властью, в основном, как отмечают Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников и В.П. Филатов, с собственностью на землю, что было определяющим для крестьянской страны. Власть выражалась, в частности, в возможности владения собственностью как особой привилегии и касалась в основном высших сословий. Существенной чертой властных отношений являлась постепенная централизация управления: «между князем и дружиной складывались отношения не вассалитета, как в феодальной Европе, а подданства» [4. С. 85]. Крестьянское же сословие в России было занято преимущественно ведением хозяйства (своего или барского), и такой тип личности — хозяйствующая личность — в России формировался, в основном, под влиянием властных отношений.

Постепенное формирование иного отношения к институту собственности, в частности, через освобождение крестьян и появление свободного труда, было прервано революцией 1917 г. Последующие годы советской власти привели к тотальному размыванию института собственности, который снова начал зарождаться только после распада СССР, — новый виток наблюдался в период политики приватизации. В европейских государствах существование института собственности было более стабильным. На наш взгляд, чем стабильнее институт собственности, чем больше он защищен в правовом плане, тем больше уверенности появляется у руководителя, тем больше он готов развивать свою деятельность, а следовательно, и давать больше управленческой свободы.

Четвертой предпосылкой можно считать сами формы труда — для Российской империи доминирующей формой являлся крепостной труд, то есть по сути своей немотивированный, не обусловленный личной заинтересованностью или инициативностью, принудительный труд, которому часто сопутствовали суровые наказания.

Здесь также важно понимать, что механизм присвоения прибавочного продукта существенно отличался. В феодальной Европе каждый воин, получая надел земли, по сути становился его единоличным владельцем, то есть работавшие на этой земле крестьяне обеспечивали ему содержание и тем самым автономию от государства. Соответственно, такая система не предполагала централизации власти. В период ранней Киевской Руси закладывается совершенно иной механизм — присвоение прибавочного продукта путем полюдь, который и создает основы государственного управления. Отличие же сословий становится отличием повинностей [3. С. 396].

Уже в период петровских реформ развитие мануфактур требовало новой рабочей силы. Помещики, владевшие крестьянами, получили привилегии за счет того, что всегда были ею обеспечены и, таким образом, оказались втянуты в предпринимательскую деятельность. Многие владельцы заводов, испытывая существенную нехватку рабочей силы, вынуждены были использовать случайных рабочих. Их труд был низкоквалифицированным, так как, согласно указам 1735 г., 1753 г. и других годов к заводу приписывались бродяги, нищие, проститутки,

праздношатающиеся. Впоследствии пытались вводить закрепление крестьян за заводами, однако крестьяне начинали сбегать на прежнее место жительства.

Определенной вехой в развитии используемых форм труда стал Указ о вольных хлебопашцах 1803 г. За счет крестьян, получивших возможность уйти на волю за выкуп, расширилась социальная база предпринимательства.

Формирование рынка труда происходило в тяжелых условиях. Принудительный труд порождал жестокое отношение предпринимателей к рабочим. Увеличение прибыли создавалось не за счет развития и повышения квалификации рабочей силы, а посредством урезания зарплат, повышения штрафов за ошибки в работе (размер штрафов со временем пришлось регулировать законодательно).

В XIX в. промышленная революция потребовала появления свободной высококвалифицированной рабочей силы, заинтересованной в найме. Рабочий вопрос в это время свелся к изменению самих отношений между работодателем и работником: необходим был переход от патриархального типа, когда найм осуществлялся на основании устного договора, а работник попадал в зависимость от воли и благорасположения хозяина, к отношениям капиталистического общества.

К концу XIX в. одновременно со становлением буржуазии формируется промышленный пролетариат. Появляются постоянные кадры рабочих, которые поселяются с семьями вокруг промышленных центров, увеличивается количество потомственных рабочих, растет их культурный уровень. Можно сказать, что в этот период были заложены основы рынка труда. Управленческая свобода не могла получить должного развития в условиях немотивированного принудительного труда.

Пятая предпосылка — появление в Европе городов как ремесленных и производственных центров, а в России — как центров сосредоточения власти, в то время как ремесленная и производственная деятельность долгое время существовала разрозненно, единично в рамках семей или общин в деревне. Отрасли, требовавшие проявления частной инициативы, творческого начала, инвестиций, не получали должного развития в условиях централизованного государства. Город в России не обрел независимость, не произошло «образования университетов», в отличие от Европы, где «городу было легче подняться и достичь политической независимости, потому что его противники были раздробленными и слабыми... город вполне мог победить отдельного феодала...» [4. С. 86].

Крупные промышленные центры в городах России появляются в связи с удовлетворением потребностей государства (в основном в период петровских реформ и после). Вокруг них начинает формироваться жизнь населения, появляются поселения рабочих, занятых на производстве.

Интересным аспектом является развитие образовательных структур. Выходцы из крестьянства, купечества в первом поколении стремились получить образование, для второго и последующих поколений буржуазии университетское образование становится нормой. После реформ Александра II начинается развитие коммерческих учебных заведений, нацеленных на подготовку кадров для торговли и управления. Например, появляются Петровское коммерческое училище, Мос-

ковская практическая академия коммерческих наук и др. Таким образом, город в полной мере приобретает свое социокультурное значение позднее, чем в Западной Европе, что оказывает свое влияние на предпринимательскую деятельность.

Шестой предпосылкой является особая роль института религии. В Европе он был представлен католицизмом и впоследствии протестантизмом с его доктринами и этическими принципами, заложенными Мартином Лютером и Жаном Кальвином. Новые постулаты предполагали, что долг каждого человека перед Богом — трудиться. Отсутствие трудовой деятельности или профессии является невыполнением божественного предназначения. Таким образом религия поддерживала предпринимательскую деятельность и отождествляла успех в ней с Божественным благоволением. Бедность и нищета представлялись не моральными ценностями аскетического уклада жизни, а отверженностью Богом. Такая духовная база существенно повышала нравственную ценность предпринимательской деятельности. Доход в ней считался условием служения Богу.

В российской православной доктрине больше внимания уделялось развитию и совершенствованию внутреннего духовного мира человека, зачастую через аскезу и отказ от участия во многих сферах жизни. Таким образом, стяжание материальных ценностей не могло быть самоцелью истинного христианина, виделось небогоугодным.

Важно отметить, что множество талантливых предпринимателей и торговцев вышло из числа старообрядцев (в начале XX столетия они составляли свыше 60% представителей торгово-промышленного класса). Старообрядцы сочетали в себе высокие нравственные и духовные идеалы с умением вести хозяйственную деятельность. Ведение хозяйства (а производство, мануфактура, завод воспринимались в качестве личного хозяйства) понималось как нравственная деятельность, где старообрядец должен был являть высокие принципы доброго и благочестивого хозяина. Необходимость упорного и добросовестного труда, также являвшаяся основой веры старообрядцев, способствовала укреплению и увеличению капиталов. В то же время купцы-старообрядцы могли отказываться от определенных сделок, считая их нечестивыми. Так, например, они не занимались винокурением производством. Отсутствие явного стремления к развитию и приращению капиталов, сомнительная нравственная ценность подобной цели сужали пространство управленческой свободы до сугубо бытовых вопросов. Религиозная поддержка предпринимательской деятельности накладывала свой отпечаток на ее содержание и людей, в ней занятых.

Последней предпосылкой можно считать отличия делового пространства, в частности, в сфере финансов и права. Торговля в России была обусловлена рядом специфических особенностей: размеры страны, низкая плотность населения, неразвитость путей сообщения и средств информации, недостаточное количество купцов, небольшие размеры их капиталов. Промышленное производство сосредоточивалось в немногих центрах, а продукция получала серьезные наценки, проходя через множество посредников. Для развития предпринимательской деятельности требовалось формирование механизмов мобилизации свободных средств: коммерческие банки, биржи, акционерные формы собственности.

В античную эпоху в Западной Европе появляются менялы: они выполняют функции переводных операций для снижения риска при переводе денег из одного города в другой, принимают деньги на хранение. В России долгое время существовала одна денежная единица, поэтому меняльный промысел не был востребован. Сами торговцы занимались переводными и кредитными операциями. Инициатива создания механизмов для функционирования денежных средств снова принадлежит государству. Первые планы и попытки создания государственных кредитных учреждений в России относятся к XVII—XVIII вв. [2. С. 76].

В отличие от России первые биржи как специфические собрания купцов возникают в Венеции и Генуе, в XVI в. появляются уже во многих торговых городах: Антверпене, Лионе, Тулузе, затем — в Амстердаме, Любеке, Кенигсберге. В России же первая биржа была основана по указу Петра Великого в Санкт-Петербурге. Образцом стала деятельность амстердамской биржи. К 1861 г. число бирж не увеличивается кардинально: существует 6 бирж с ограниченным характером проводимых на них операций [2. С. 83], что свидетельствует о невостребованности подобного рыночного инструмента.

Первые настоящие банки появляются в 1754 г. при Елизавете Петровне, в 1841 г. выходит указ Николая I об открытии сберегательных учреждений, а в 1864 г. в Санкт-Петербурге создается первый коммерческий акционерный банк. В Европе же возникновение банков относится к 1587 г., когда в Венеции создается «Банко ди Риальто», первый банк, созданный аналогично современной банковской системе. Таким образом, деловое пространство, обусловленное рыночными финансовыми инструментами, начало формироваться в России позже и было вызвано не столько потребностями общества, сколько осознанием необходимости введения подобных учреждений главами государства.

В вопросах права, регулирующего предпринимательскую деятельность, также наблюдалось определенное отставание. В Российской империи не сложилось особой системы торгово-промышленного права, имелись отдельные разрозненные законы, в отличие, например, от Франции, где эти вопросы регулировал Кодекс Наполеона. При этом правовые нормы создавались по образцам Европы, в частности, патентное право, разработанное по немецкому образцу, было закреплено при Николае I.

Еще одним существенным отличием России от Европы было отсутствие до 1905 г. профессиональных союзов. Государство вмешивалось в отношения между работодателями и работниками, пытаясь регулировать их с помощью Фабричной инспекции. Длительное отсутствие системной правовой базы для регулирования трудовых отношений во многом стало причиной появления радикальных настроений в рабочей среде и последующей революции.

В период СССР деловое пространство было фактически уничтожено. Проводилась политика, направленная на искоренение всех видов частного предпринимательства и индивидуальной деятельности, в связи с чем получает развитие черный рынок. В отличие от европейских стран, где черный рынок также существовал, целью его было восполнение не изысканных и элитарных потребностей общества, а каждодневных потребностей населения в еде, одежде и предметах быта.

После распада Советского Союза происходит постепенное восстановление делового пространства. На сегодняшний день во многом уже восстановлены и созданы рыночные механизмы, правовая регуляция взаимоотношений, что, безусловно, расширяет возможности управленческой свободы. Однако социокультурная основа происшедших изменений по-своему определила современное деловое пространство.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие социокультурные предпосылки формирования управленческой свободы в России (в отличие от Европы):

— процесс формирования институтов общества, социальной структуры протекал преимущественно как инициатива государства, а не как ответ на запрос делового сообщества, что могло сказаться на отсутствии стремления развивать управленческую свободу в России;

— длительный период использования крепостного труда, а не свободных трудовых ресурсов, был фактором торможения развития экономической системы; свобода в управлении не требовалась рабочим, а была максимально сосредоточена в руках хозяина;

— слабое развитие института собственности, его принадлежность преимущественно верхним слоям населения способствовало усилению коллективистских форм взаимодействия и снижению уровня личной ответственности и обязательств, как факторов управленческой свободы;

— отсутствие развитой инфраструктуры и эффективной коммуникации способствовало снижению управляемости и постоянному тяготению к созданию центров власти, вокруг которых возможно было организовать жизнь общества. Хорошая коммуникация позволяет эффективно работать и горизонтальному, и вертикальному управлению, повышает уровень управленческой свободы;

— длительный период направленности на внешнеполитические аспекты в государственном управлении, развитие военного потенциала, отсутствие внимания к развитию внутреннего рынка, созданию соответствующей функциональной системы ограничивали управленческую свободу в экономической сфере, сфере рыночных отношений;

— специфическое вписывание в русскую культуру и переосмысление развивавшихся в XIX в. социально-политических идей и течений (например, революционные взгляды, марксистское учение, разделение на западников и славянофилов) привели к определенному смещению управленческих идей и взглядов на управленческую свободу от эволюционных к революционным, близким к анархическим;

— длительный период усиленной роли религиозных составляющих в управлении обществом, формирование специфического мистически-религиозного типа ментальности повлияло на самосознание индивидов как действующих субъектов в предпринимательской среде.

Тем не менее, специфика развития российского управления, предпринимательского мира и делового пространства не мешает сегодня создавать общее бизнес-пространство для России и Европы. Возможности сотрудничества открывают новые перспективы для организаций, однако в своей деятельности полезным пред-

ставляется учитывать социокультурные аспекты формирования управленческой свободы. Более глубокое исследование социокультурных предпосылок формирования управленческой свободы может быть использовано для совершенствования управленческой культуры российских и европейских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверьянов В.* Русская артель. Невостребованный опыт: из прошлого в будущее? // Свободная мысль. 2014. № 3.
- [2] *Золотарев О.В.* История предпринимательства в дореволюционной России. Сыктывкар: Коми государственный пединститут, 2012.
- [3] *Ключевский В.О.* Собр. соч.: в 8 т. Курс русской истории. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957.
- [4] *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2013.
- [5] *Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л., Филатов В.П.* Феномен свободы в условиях глобализации. М.: РГГУ, 2008.

SOCIAL AND CULTURAL PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF MANAGERIAL FREEDOM IN RUSSIA AND EUROPE: COMPARATIVE ANALYSIS

O.A. Zaytseva

Chair of Sociology and Psychology of Management
State University of Management
Ryazansky prosp., 99, Moscow, Russia, 109542

The sphere of management activities in contemporary organizations is undergoing through serious transformations; in particular, robotic production is becoming more common. In this situation, the importance of studying managers' work at all organizational levels grows, especially at the middle level for its managers form the core of organization as having deep knowledge and experience, as well as regulating all daily operations. Managerial freedom in the work of middle level managers is a new response to the demands for innovative activities and competitiveness every organization faces. At the same time, globalization leads to the partnership between Russian and European companies, however, effectiveness of such relations depends largely on understanding social and cultural foundations of management. The article considers social and cultural prerequisites of managerial freedom in Russia and Europe focusing on the differences of Russian and European history of entrepreneurship, its backgrounds, key actors and functions of managers in former times. The author shows specific features of social institutions that formed the basis for the development of the business world and determined the very essence of managerial freedom.

Key words: managerial freedom; social institutions; the institution of property; history of entrepreneurship; social and cultural features of management; organization; history of management; forms of labor.

REFERENCES

- [1] *Averyanov V.* Russkaya artel'. Nevostrebovannii opit iz proshlogo v budushee [Russian artel. Past experience unclaimed for the future] // Svobodnaya mysl'. 2014. № 3.

- [2] *Zolotarev O.V. Istoriya predprinimatelstva v dorevolyutsionnoi Rossii* [History of Entrepreneurship in Pre-Revolutionary Russia]. Siktivkar: Komi gosudarstvennii pedinstitut, 2012.
- [3] *Klyuchevskiy V.O. Sobr. soch.: v 8 t.* [Complete Works]. Kurs russkoi istorii. T. 3. M.: Gospolitizdat, 1957.
- [4] *Prokhorov A.P. Russkaya model upravleniya* [Russian Model of Management]. M.: Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva, 2013.
- [5] *Sidorina T.Yu., Polyannikov T.L., Filatov V.P. Fenomen svobody v usloviyah globalizatsii* [The Phenomenon of Freedom in the Context of Globalization]. M.: RGGU, 2008.